

До шестидесятих годов о Толбачиках знали лишь понаслышке: богатые, нетронутые пастбища дремали в ожидании человека. Впрочем, люди там появлялись, но редко: были это вулканыологи, следившие за беспокойными сопками Шивелуч и Безымянный, да забредет иногда лю-

культбаза Толбаник. Появился и хозяин таежной квартиры: Яков Алексеевич Ичанга, заведующий культбазой. Работа несложная: встречать пастухов горячей банькой, выдавать продукты да содержать в порядке несложное хозяйство.

А летом начинается ход ры-

ЛЮДИ НАШЕГО СЕЛА

он недолго. Пришел и его черед идти в ряды Красной Армии. Время было тревожное. Война катилась по Европе. Бывший охотник стал артиллеристом. В начале сороковых годов он вернулся на Камчатку. Но недолгим был отдых солдата. Началась Отечественная и снова пришлось надеть серую шинель.

Перепаханные снарядами поля Белоруссии, раненые и убитые товарищи, огонь орудий батарей по немецким самолетам, мелькающих в прицеле— последнее, что запомнил наводчик зенитного орудия Яков Ичанга. А потом — тяжелый разрыв авиабомбы в нескольких метрах от бруствера. Оглушенных, израненных артиллеристов засыпало толстым слоем земли. И погибли бы все. Откопали солдат из могилы друзья. С тех пор стал плохо слышать Яков Алексеевич, тяжелая контузия согнула тело. Год пролежал он в госпиталях Москвы и Барнаула, а потом демобилизовался и долго добирался до родного села.

После войны Я. А. Ичанга работал в оленеводческой бригаде. Охотился. А теперь уже второй год — хозяин культбазы.

Он уже немолод. Ему столько же, сколько Октябрьской революции. Но итоги он подводить пока не собирается. Пусть незаметна его работа, но разве не приятно ему, когда домик на Толбачике становится приютом для пастухов, отмахавших на морозе и в пургу не один десяток километров, и их встречает он, хозяин этих мест, человек, у которого биография неотделима от истории района.

С. АЛЕКСЕЕВ.

Ровесник Октября

битель-охотник с ружьем и с тощей котомкой в поисках зверя.

Зверя здесь целое царство. Огромные бурые медведи по весне вылезают из берлог и сонно бродят по глухим урочищам, промелькнет быстрый дикий олень, легко неся толстые, пальцами не обхватишь, рога, спасаясь от серых теней — волков, непуганых и бесстрашных, незнакомых с грохотом ружья; они чувствовали себя здесь хозяевами. А на вершинах крутых сопкок, на стылом ветру стояли «на часах» круторогие бараны. Места богатые — лишь отчаянный бездельник пропадет с голоду.

И однажды на вершине сопки появились люди. Они стучали топорами, перекликались, и с каждым днем росли желтые стены дома. Вскоре появилась крыша, удивленно вытаращились на косые гребни сопкок окна. Так возникла

бы в мутной, грохочущей речке, где и не разглядишь — то с непривычки не только рыбину, но и корягу.

Этим летом медведи совершенно обнаглели и шлелись по ночам вокруг дома, топтались у крыльца к великому восторгу племянника, приехавшего погостить на лето: «Ой, — ей — ей, дедушка, опять кобалам в гости приходил!»! Дал ему свой дробовик, и мальчишка целыми днями бродил неподалеку, гремя прикладом по камням. Любопытным растет парнишка, до охоты падкий, хлебом не корми — дай поохотиться. Такой же, каким был в детстве Яков Алексеевич.

А детство было у него совсем не сладким, не таким, как у нынешних мальчишек. Пока жив был отец — был в юрте достаток. Были олени, хорошие ружья, патроны.

После смерти отца тяжесть забот легла на плечи братьев. Горько хлебнули, но выпрямились. Выросли, возмужали. Такие же, как они, бедняки, сколотили первое коллективное хозяйство.

В конце тридцатых годов Яков Алексеевич стал председателем Кекукнайского сельского Совета. Председательствовал